

Тан Сяоу вспомнил те три года, когда они в детстве странствовали по рекам и озёрам. Поскольку у них не было постоянного пристанища, каждый Новый год они проводили в пригороде, иначе дым от пороха по всему городу мог оглушить их, ночующих на улице.

Среди нищих кто-то в шутку сказал, что чудовище Нянь можно прогнать хлопущками, а они, люди низкого статуса и грязного тела, в глазах других и есть чудовище Нянь.

Тан Сяоу тогда плохо понимал, он ведь родился и вырос в уединённой долине и не понимал этого чувства неполноценности из-за низкого положения. Но сегодня он, кажется, понял, что такое человеческая атмосфера праздника, эта почти всеми желанная тёплая аура, которой лишённые её люди страшно завидуют.

Бай Иньфэн спросил его, не хочет ли он съесть несколько пельменей. Тан Сяоу изначально не хотел, но раз уж сам заказывал с начинкой из сельдерея с говядиной и капусты со свиной, решил съесть несколько.

Бай Иньфэн сварил целую большую тарелку, разогрел суп, приготовил соус для макания.

Они вместе доели, и к часу ночи на улице наконец стало гораздо тише.

Тан Сяоу и Бай Иньфэн перебрасывались словами, вскоре должно было рассветать.

В следующие несколько дней в храме Саньшань будут проводиться церемонии, только первые два дня будет особенно оживлённо, а в последующие дни больше будет молодых мужчин и женщин, приходящих гадать и толковать предсказания. Храму Саньшань нужно много рабочих рук.

У самого Тан Сяоу не было жены, поэтому ему, естественно, не хотелось толковать предсказания другим; уже хорошо, что он не поменял тайком палочки для гадания на плохие, это доказывало, что у него есть совесть.

Но он подумал, что Юнь Тао, возможно, в эти дни придёт к нему, сказал Бай Иньфэну, что в храме Саньшань в ближайшие дни много дел, и когда будет время, он снова спустится с горы, а на рассвете поспешил обратно.

Бай Иньфэн хотел, как вчера вечером, погулять с ним в окрестностях столицы, но Тан Сяоу торопился уйти, и он ничего не сказал.

На Новый год нужно носить новую одежду, он хотел приготовить её для Тан Сяоу, но тот всегда носил даосские одеяния, каждый день они были свежие и новые, поэтому он ничего не купил. Его собственной одежды пока хватало, новая пока не требовалась.

Глядя на Тан Сяоу, он, казалось, очень увлёкся тем, чтобы стать даосским монахом; в следующий раз, возможно, стоит обсудить с ним, не хочет ли он обосноваться в столице.

Самому Бай Иньфэну столица не очень нравилась, здесь повсюду были ограничения, нельзя было вмешиваться в чужие дела, опасаясь навлечь беду на Тан Сяоу, временно проживающего в храме Саньшань. Если бы они по-прежнему были беззаботными, как раньше, было бы гораздо удобнее.

Он не уговаривал Тан Сяоу задержаться, главным образом потому, что у самого дел было немало.

Возможно, из-за того, что приближался конец года, и ворами тоже нужно было встречать Новый год, склады семьи Бай часто подвергались кражам. Бай Динъюань велел Бай Фу вызвать его обратно.

Он дважды отказался, и тогда Бай Фу рассердился, заявив, что он, должно быть, сговорился с ворами, чтобы шантажировать семью Бай и повысить своё ежемесячное жалованье. Бай Иньфэн вышвырнул их, и они ушли, ругаясь.

Затем Бай Динъюань снова пришёл просить за них, приглашая вернуться.

Если бы у Бай Иньфэна не было опыта жизни в мире рек и озёр, и ему было бы неловко, возможно, он и вернулся бы, но он видел, что Бай Фу, должно быть, действовал по указанию Бай Динъюаня: они вдвоём разыгрывали спектакль, один — добрый, другой — злой, не желая потратить ни копейки, просто хотели заманить его обратно, поэтому он не обратил на них внимания.

Вероятно, сегодня эти люди снова придут под предлогом новогодних поздравлений. Поэтому он не остался дома, а пошёл бродить по улицам.

Утром первого числа было безлюдно, торговцы овощами и завтраками ещё не вышли, он встретил лишь слуг одного дома, спасавших кошку, которая испугалась прошлой ночью, залезла на дерево и теперь не могла спуститься. Он мимоходом помог, хозяева дали ему пять лян серебра в награду. Увидев его искусство, они даже спросили, не хочет ли он стать стражем, жалованье приличное, только нужно подписать долгосрочный контракт на десять лет.

Бай Иньфэн ещё не решил, куда отправиться в будущем, и, естественно, отказался.

Не ожидал, что столица так дружелюбна к людям с некоторыми умениями, как они. Если в будущем он не добьётся славы, похоже, в столице тоже будет не сложно заработать на пропитание. Только... будучи слугой, неизбежно придётся смотреть в рот хозяевам.

В принципе, ему не нужно было так рано задумываться о будущем, но если у Тан Сяоу появился возлюбленный, скорее всего, он захочет осесть в столице. Если он сам захочет в будущем жить ближе к Тан Сяоу, придётся планировать заранее.

Хотя раньше деньги Тан Сяоу тоже были его деньгами, но если Тан Сяоу женится, так продолжать, конечно, будет нельзя. Даже если Тан Сяоу согласится, его жена не позволит.

К счастью, сейчас есть немного сбережений, если готовить самому и экономить, можно протянуть довольно долго, можно будет подумать и позже.

Тан Сяоу всё ещё время от времени спускался с горы, чтобы повидаться с ним, только он, казалось, становился всё более рассеянным. Когда спрашивали, что случилось, Тан Сяоу всегда собирался что-то сказать, но потом останавливался.

Бай Иньфэн сказал ему:

— А У, разве раньше мы не решали все проблемы вместе? Что же сейчас произошло, что ты не можешь мне сказать?

Тан Сяоу подумал и наконец сказал:

— Ничего, просто мой возлюбленный давно не появлялся.

— Как давно?

— Не так уж давно, виделись двадцать пятого числа двенадцатого месяца. Как думаешь, может, он разлюбил меня?

Бай Иньфэн, видя его озабоченное лицо, невольно покачал головой:

— Девушка из знатной семьи не может выходить просто так, возможно, у неё дома строгие правила? Кстати, ты ещё не сказал мне, из какой она вообще семьи, хочешь, я помогу навести справки?

Тан Сяоу смотрел на него некоторое время, затем вздохнул:

— Если из этого ничего не выйдет, так и быть, а если получится, тогда и скажу.

Бай Иньфэн тоже понимал, что в столице у него нет связей, кроме сбора информации, он мало чем может помочь. Глядя на Тан Сяоу, похоже, они даже не обменялись клятвами верности, его собственный брат, вполне возможно, оказался той самой... как её... жабой, мечтающей о лебедином мясе, и чем больше спрашивать, тем больше беспокойства.

Бай Иньфэн больше не затрагивал эту тему, просто чаще стал выводить Тан Сяоу развеяться.

Шум и процветание столицы отличались от других мест, в период Нового года почти повсюду были собрания, вплоть до окончания Праздника фонарей.

В ночь на Праздник фонарей Бай Иньфэн насильно вытащил Тан Сяоу посмотреть на фонари.

Тан Сяоу не мог собраться с духом, за все эти полмесяца праздников Юнь Тао так и не появился.

Ему казалось, что он, скорее всего, «остыл», но он чувствовал, что так быть не должно. Ведь при последней встрече всё было хорошо, Юнь Тао даже сказал, что у них общие интересы, даже любимые блюда одинаковые, и в будущем им наверняка будет хорошо вместе.

Если он не ошибся, то Юнь Тао именно это и имел в виду, верно?

Бай Иньфэн сунул ему в руку маленький фонарик в форме кролика, а сам взял фонарик в форме тигра:

— Смотри, этот очень похож на тебя, бери его, ха-ха!

Тан Сяоу рассеянно взял фонарик и вдруг в толпе, на расстоянии нескольких десятков шагов, увидел знакомого человека. Присмотревшись, тот был в роскошном халате с нефритовым поясом, изящный и импозантный, разве это не Юнь Тао, о котором он день и ночь тосковал?

— Брат Юнь! — крикнул он.

Бай Иньфэн, услышав, как он кого-то зовёт, замер.

Юнь Тао, казалось, заметил Тан Сяоу, с улыбкой приподнял фонарик в форме лотоса, который держал в руке.

Тан Сяоу заволновался, даже бросил фонарик-кролика, применил лёгкое искусство, заскользил среди толпы и полетел вперёд.

Фонарик-кролик упал на землю и мгновенно погас.

Бай Иньфэн посмотрел на них двоих и увидел, как Тан Сяоу нежно взял за руку того прекрасного юношу, с бесконечно нежным выражением лица что-то сказав.

Тот юноша ответил улыбкой, взял его за руку, и они вместе ушли.

Что происходит!

Бай Иньфэн остолбенел.

Он был уверен, что рядом с тем мужчиной не было других женщин, а Тан Сяоу схватил именно его, мужчину, за руку. Да и раньше Тан Сяоу крикнул «Брат Юнь», а не какую-то «девушку», видно, он не ошибся.

Это определённо был мужчина!

Он несколько мгновений пребывал в шоке, не успел вмешаться, как они уже, держась за руки, скрылись вдали.

Значит, тот возлюбленный, о котором раньше говорил Тан Сяоу, был мужчиной?

Если хорошенько подумать, Тан Сяоу, кажется, никогда не говорил, мужчина его возлюбленный или женщина, зато говорил, что не нужны сваты и помолвка, можно встречаться, и встречались они не раз и не два. А тот мужчина только что был статным и высоким, настолько красивым, что даже мужчинам могло стать завидно, действительно, как и говорил Тан Сяоу, редкость в мире.

Вот это беда, А У влюбился в мужчину, как он объяснит это приёмной матери? Цинминцзе не пережить!

Бай Иньфэн испытывал невыразимую досаду.

Он, кажется, понял, почему Тан Сяоу не признался ему, что собирается заниматься мужской любовью: потому что если бы он узнал, то обязательно воспрепятствовал бы. В тот момент, когда Тан Сяоу бросился вперёд, он бы последовал за ним, разъединил их руки и сказал, что так нельзя!

А не так, как сейчас: лишь на мгновение замешкавшись, он увидел, как толпа мгновенно заполнила брешь, проделанную Тан Сяоу с помощью лёгкого искусства, и снова пробиться вслед за Тан Сяоу уже не было никакой возможности.

<http://bllate.org/book/15610/1393550>